

Виды и функция повторов в рассказе А. П. Чехова «Ионыч»

Чжэн Е.

Еще в 1920-е гг. М. Петровский отмечал, что «чеховский рассказ непредставим без повторов реплик повествователя, лейтмотивов и кольцевых композиций». В одной из работ, раскрывающей этапы изучения Чехова и те результаты, какие были достигнуты, отмечается: «Без этих переключек, повторов, лейтмотивов рассказ Чехова, кажется, не был бы «чеховским». Л. Е. Кройчик также писал, что «мир комических произведений Чехова - это торжество всеобщего автоматизма жизни, автоматизма поступков, дел, реплик, ситуаций. Этот автоматизм рождает особый ритм – с неизбежными повторами, с движением по кругу: то, что было вчера, будет сегодня, повторится завтра».

1. Виды повторов

Хотя многие российские литературоведы прежде анализировали повторы в прозе А. П. Чехова, но до сих пор нет единого взгляда на классификацию повторов. Ю. М. Лотман обнаружил повторы на разных уровнях организации художественной речи (звуковом, ритмическом, композиционном и др.) М. Л. Гаспаров выделял повтор словесный, звуковой, фразовый и образный. Р. Р. Мдивани перечислил повторы метрические и ритмические, а также языковые. В. Е. Хализев определял повторы сюжетных эпизодов, высказываний героев, словесных формул (клише). При этом он различал повторы буквальные и «полуповторы» (вариации). Затруднение в процессе классификации видов вызывает то, что число повторов разных видов в чеховском творчестве огромно и что исследователи не различали повтор как постоянный признак, свойственный художественному произведению (принцип организации художественной речи), и повтор как стилистический прием.

Последняя связанная с этой темой работа – книга Н. А. Кожевниковой «Стиль Чехова». В ней проявлено пристальное внимание к повторам у А. П. Чехова. В этой работе автором на большом фактическом материале впервые описываются многие различные типы повторов.

С учетом работ предшественников рассмотрим виды повторов в рассказе А. П. Чехова «Ионыч».

Повтор реплики. Повторяющаяся реплика персонажа связана с особенностями его характера. «Застывшая, не меняющаяся, неподвижная жизнь и персонаж, который говорит одно и то же на протяжении больших отрезков времени, – одна из сквозных тем Чехова». В рассказе «Ионыч», когда жена читает свой роман, Иван Петрович все повторяет слово «недурственно!»: в 1-й главе встречаем: «Недурственно... – тихо проговорил Иван Петрович». И в 4-й главе это слово повторяется: «Недурственно, – сказал Иван Петрович». Эта реплика вошла в привычку Ивана Петровича. Повествователь пишет: «<...> и все время говорил на своем необыкновенном языке, выработанном долгими упражнениями в остроумии и, очевидно, давно уже вошедшем у него в привычку: большинский, недурственно, покорчило вас благодарю...». При приеме гостей он неоднократно повторяет реплику: «Здравствуйтесь пожалуйста!». Когда сытые и довольные гости толпятся в передней, Иван Петрович приказывает своему лакею Паве: «А ну-ка, Пава, изобрази!». Очевидно, эта фраза тоже стала привычной репликой, характеризующей Ивана Петровича.

Иногда повторяющаяся реплика персонажа сопровождается повтором жеста. Когда Пава повторяет реплику «Умри, несчастная!», он всегда становится в позу, поднимает вверх руку и говорит трагическим тоном. Кстати, эта повторяющаяся реплика сопровождается характеристикой лакея. Только эта характеристика варьируется: в 1-й главе Пава был

мальчиком лет четырнадцати, стриженным, с полными щеками, а через четыре года, в 4-й главе – Пава уже не мальчик, а молодой человек с усами.

Повтор реплик может сопровождать сюжетную инверсию. В «Ионыче» Старцев и Котик меняются ролями. В. Б. Катаев отмечает важную деталь: «Вначале он признается ей в любви и не встречает взаимности, а спустя несколько лет она, поняв, что лучшего человека, чем он, в ее жизни не было, говорит ему о своей любви – и с тем же отрицательным результатом». «Повторяющаяся реплика переходит от одного персонажа к другому». «Ради Бога, умоляю вас, не мучайте меня, пойдемте в сад!» – говорит влюбленный Старцев. В 4-й главе изображается сцена, происходящая спустя четыре года. Отношения между персонажами меняются. Котик «<...> по-видимому, ждала, что он предложит ей пойти в сад, но он молчал». И уже она говорит Старцеву: «Ради Бога, пойдемте в сад».

Повторами реплик персонажа акцентируется главная мысль. Через четыре года, когда Старцев встречается с Екатериной Ивановной, он два раза повторяет про себя: «А хорошо, что я на ней не женился». Эта повторяющаяся реплика подтверждает, что ему уже не нравилось то, как сидит на ней платье, и ее манеры, и абсолютно все в ней: дело в том, что Старцев уже давно духовно умер, и ничто не может вывести его из духовной спячки. Ему не жаль молодости, любви, несбывшихся надежд.

Повтор ситуации. В основе композиции рассказа «Ионыч» лежит повтор ситуации. Показательно, что в этом рассказе несколько раз повторяется одна и та же ситуация: Туркины весело, с сердечной простотой демонстрируют гостям свои таланты.

Исходная ситуация развернуто была показана раньше, когда Старцев в первый раз посетил Туркиных. Часть 1-й главы составляет отрывок, изображающий эту сцену. В этой сцене каждый член семьи Туркиных с сердечной простотой показывает свой талант: «<...> Вера Иосифовна читала свой роман. Она начала так: «Мороз крепчал...» <...> Вера Иосифовна читала о том, как молодая, красивая графиня устраивала у себя в деревне школы, больницы, библиотеки и как она полюбила странствующего художника, – читала о том, чего никогда не бывает в жизни». «Екатерина Ивановна села и обеими руками ударила по клавишам; и потом тотчас же опять ударила изо всей силы, и опять, и опять; <...> она упрямо ударяла все по одному месту, и казалось, что она не перестанет, пока не вобьет клавишей внутрь рояля. <...> Старцев, слушая, рисовал себе, как с высокой горы сыплются камни, сыплются и все сыплются, и ему хотелось, чтобы они поскорее перестали сыпаться <...>». «А за ужином уже Иван Петрович показывал свои таланты. Он, смеясь одними только глазами, рассказывал анекдоты, острит <...>».

Вторая ситуация в сокращенном виде изображена через четыре года. В «Ионыче» сцена посещения Старцевым Туркиных через четыре года в значительной мере смонтирована из элементов текста предшествующих трех глав. «Эта сцена повторяет первое посещение Туркиных и сцену объяснения с Котиком в саду». За прошедшие после отъезда Екатерины Ивановны четыре года он был у Туркиных только два раза. В этот раз по приглашению Веры Иосифовны и Екатерины Ивановны Старцев поехал к Туркиным. Изменившийся Старцев показан на фоне сцены, которая повторяет первое посещение Туркиных: «Пили чай со сладким пирогом. Потом Вера Иосифовна читала вслух роман, читала о том, чего никогда не бывает в жизни <...>». «Потом Екатерина Ивановна играла на рояле шумно и долго <...>». Неменяющуюся жизнь Старцев видит новыми глазами.

Последняя ситуация обобщенно показана в конце рассказа. Уже прошло несколько лет, в эти годы Старцев больше никогда не бывал у Туркиных и почти забыл о них. А Туркины по-прежнему показывают гостям свои таланты. На сходство последней сцены с прежними указывает повторяющееся наречие «по-прежнему»: «А Туркины? Иван Петрович не постарел, нисколько не изменился и по-прежнему все острит и рассказывает анекдоты; Вера Иосифовна читает гостям свои романы по-прежнему охотно, с сердечной простотой. А Котик играет на рояле каждый день, часа по четыре». Так Чехов трижды дает описание жизни этой семьи, каждый раз упрощая и сокращая описания.

Повтор оценки. Повторяющаяся ситуация сопровождается повтором оценки. Хотя оценка в разных сценах варьируется. Неслучайно приезжий доктор Старцев вначале приятно удивлен «талантами» семьи Туркиных, мечтает о счастье с Котиком. Когда Старцев первый раз слушал роман Веры Иосифовны, ему было «<...> и все-таки слушать приятно, удобно, и в голову шли все такие хорошие, покойные мысли, – не хотелось вставать». Хотя звуки рояля, на котором играет Котик, раздавались шумно и надоедливо, эти звуки привлекают внимание Старцева: «<...> но все же культурные звуки, – было так приятно, так ново...». Он подумал, что все у Туркиных «занятно». А через четыре года, когда Вера Иосифовна кончила читать свой роман, Старцев думал, что «<...> бездарен не тот, кто не умеет писать повестей, а тот, кто их пишет и не умеет скрыть этого». Когда Котик кончила играть на рояле, Старцев не похвалил ее и подумал, «<...> а хорошо, что я на ней не женился». Все у Туркиных уже раздражало Старцева.

Противостоят и разные коллективные оценки. В начале рассказа «Ионыч» сталкиваются две контрастные точки зрения: «Когда в губернском городе С. приезжие жаловались на скуку и однообразие жизни, то местные жители, как бы оправдываясь, говорили, что, напротив, в С. очень хорошо, что в С. есть библиотека, театр, клуб, бывают балы, что, наконец, есть умные, интересные, приятные семьи, с которыми можно завести знакомство, и указывали на семью Туркиных, как на самую образованную и талантливую». Эта оценка повторяется и тогда, когда речь обращена к доктору Старцеву: «И доктору Старцеву, Дмитрию Ионычу <...> тоже говорили, что ему как интеллигентному человеку, необходимо познакомиться с Туркиными».

Повтор характеристики. При описании внешности разных персонажей используется повторяющаяся характеристика. В рассказе «Ионыч» сначала описана мать, Вера Иосифовна: «Жена его, Вера Иосифовна, худощавая, миловидная дама в ринсе-пез, писала повести и романы и охотно читала их вслух своим гостям», затем описана Котик: «Старцеву представили Екатерину Ивановну, восемнадцатилетнюю девушку, очень похожую на мать, такую же худощавую и миловидную», внешнее сходство матери и дочери осознается как сходство внутреннее, причем осознается самой героиней: «Я такая же пианистка, как мама писательница».

Одними и теми же словами рисуются персонажи-двойники. Известный пример персонажей-двойников содержится в рассказе «Ионыч». «Ионыча и кучера Пантелеймона сближают и повтор глагола: «Он пополнил, раздобыл и неохотно ходил пешком, так как страдал одышкой. И Пантелеймон тоже пополнил»; и повтор прилагательного: «Когда он, пухлый, красный, едет на тройке с бубенчиками и Пантелеймон, тоже пухлый и красный, с мясистым затылком, сидит на козлах, протянув вперед прямые, точно деревянные, руки, и кричит встречным: «Правда держи!», то картина бывает внушительная, и кажется, что едет не человек, а языческий бог».

Иногда повтор характеристики персонажа сопровождается изменением, даже контрастным. Определенная характеристика – своего рода точка отсчета для дальнейших изменений персонажа. Так соотносятся разные описания Котика в «Ионыче». «Она восхищала его своею свежестью, наивным выражением глаз и щек. Даже в том, как сидело на ней платье, он видел что-то необыкновенно милое, трогательное своей простотой и наивной грацией. И в то же время, несмотря на эту наивность, она казалась ему очень умной и развитой не по летам». Второе описание отталкивается от первого: «А Котик? Она похудела, побледнела, стала красивее и стройнее; но уже это была Екатерина Ивановна, а не Котик; уже не было прежней свежести и выражения детской наивности. Теперь он видел близко ее лицо, блестящие глаза, и здесь, в темноте, она казалась моложе, чем в комнате, и даже как будто вернулось к ней прежнее детское выражение. И в самом деле, она с наивным любопытством смотрела на него, <...> точно хотела поближе разглядеть и понять человека, который когда-то любил ее так пламенно, с такой нежностью и так несчастливо; ее глаза благодарили его за эту любовь. И он вспомнил все <...> Когда вошли в дом и Старцев увидел при вечернем освещении ее лицо и грустные, благодарные, испытующие глаза, обращенные

на него, то почувствовал беспокойство и подумал опять: «А хорошо, что я тогда не женился»».

Повтор характеристики с изменением рисует изменение состояния персонажа. При первом посещении Старцевым Туркиных «<...> он шел пешком, не спеша (своих лошадей у него еще не было) <...>». С течением времени «<...> у него уже была своя пара лошадей и кучер Пантелеймон в бархатной жилетке». Прошло четыре года, Старцев к городским больным «<...> уезжал уже не на паре, а на тройке с бубенчиками <...>».

Повторами характеристики выделяется главная черта персонажа. Через четыре года Старцев изменился. Он часто ел молча и играл в карты: «И Старцев избегал разговоров, а только закусывал и играл в винт, и когда заставал в каком-нибудь доме семейный праздник и его приглашали откусать, то он садился и ел молча, глядя в тарелку; и все, что в это время говорили, было неинтересно, несправедливо, глупо, он чувствовал раздражение, волновался, но молчал, и за то, что он всегда сурово молчал и глядел в тарелку, его прозвали в городе "поляк надутый", хотя он никогда поляком не был».

Новая деталь – деньги – повторяется, обрамляя рассказ о том, как Старцев посетил Туркиных через четыре года: у Старцева «<...> еще одно развлечение, в которое он втянулся незаметно, мало-помалу, это – по вечерам вынимать из карманов бумажки, добытые практикой <...>». «Старцев вспомнил про бумажки, которые он по вечерам вынимал из карманов с таким удовольствием, и огонек в душе погас». Через еще несколько лет Старцев становится более вспыльчивым: «Характер у него тоже изменился: стал тяжелым, раздражительным. Принимая больных, он обыкновенно сердится, нетерпеливо стучит палкой о пол и кричит своим неприятным голосом: «Извольте отвечать только на вопросы! Не разговаривать!»»; «<...> и уже все – и старшины клуба, и повар, и лакей – знают, что он любит и чего не любит, стараются изо всех сил угодить ему, а то, чего доброго, рассердится вдруг и станет стучать палкой о пол». Все эти повторы характеристик показывают деградацию Старцева.

2. Функция повторов

Художественные повторы играют чрезвычайно значимую роль в произведениях Чехова. Многие литературоведы изучали функцию повторов. К примеру, В. Е. Хализев отмечал: «<...> без повторов и их подобий («полуповторы», вариации, дополняющие и уточняющие напоминания об уже сказанном) словесное искусство непредставимо. Эта группа композиционных приемов служит выделению и акцентированию наиболее важных, особенно значимых моментов и звеньев предметно-речевой ткани произведения. Всякого рода возвраты к уже обозначенному выполняют в составе художественного целого роль, подобную той, что принадлежит курсиву и разрядке в напечатанном тексте». Л. М. Цилевич подчеркивал, что повторяющиеся детали мотивируют сюжетное развитие произведений Чехова и выступают в роли «импульсов эстетической активности». Н. А. Кожевникова обратила главное внимание на то, что повторы у Чехова используются не только для характеристики определенного персонажа, но и «устанавливают точки соприкосновения между разными персонажами. Каждый из персонажей изображается самостоятельно, но один рисуется как отражение другого. Для этого используются повторяющиеся глаголы и прилагательные, реже существительные, однокоренные слова, слова одного семантического поля, повторы реплик, сравнения персонажей».

Итак, повтор рассматривается исследователями как один из способов создания образа персонажа, одно из важнейших средств организации произведения, придающее ему глубину и эстетическую выразительность. В данной статье рассмотрим несколько функций повторов в рассказе «Ионыч».

Повтор как важнейшее средство создания комизма. Повтор – один из распространенных способов создания комизма. В рассказе «Ионыч» этот прием несет комическую нагрузку. В этом рассказе повторяемость ситуаций и реплик персонажей показывает однообразие и бессмысленную суету окружающей среды, где живет Старцев.

Повторяемость ситуаций, однообразие обстановки оттеняется выражениями типа: «по-прежнему», «всякий раз», «каждый день», «каждую осень» и пр. Такими средствами подчеркивается устойчивость царящего в городе застоя. «Самая талантливая семья» Туркиных изменяется лишь внешне. Вера Иосифовна к концу повествования сильно постарела, с белыми волосами. Лакей Павел (Пава), которого не устают демонстрировать гостям хозяин, из 14-летнего мальчика превратился в усатого мужчину. Котик сначала потеряла прежнюю свежесть и выражение детской наивности, а затем тоже заметно постарела. Но в течение долгих лет все они продолжают жить по-прежнему. Почти символом этой общей неподвижности воспринимается неизменно бравый вид главы семьи Ивана Петровича, произносящего одни и те же плоские шутки. Вот это самая образованная семья в городе С. Легко представить себе, что же представляют собой остальные обитатели города. Пошлость их становится очевидной и удручающей. Таким образом, изображая крупным планом семью Туркиных, автор тем самым характеризует невысокий образовательный и культурный уровень городской интеллигенции. Хотя губернского города, в котором развиваются события, автор почти не описывает, но читатель хорошо чувствует душную атмосферу этого города. Становится ясно, в какую среду попал молодой деятельный врач, который вначале выгодно отличается от городских обывателей своей честностью, трудолюбием, целеустремленностью, желанием заниматься полезным, благородным делом.

Через четыре года единственная страсть Старцева – деньги. Ему нравится, после работы, придя домой, пересчитывать, перебирать денежные купюры. Его уже ничего не интересует, кроме наживы. И более того – труд, его работа не могут спасти Старцева от падения, потому что работа стала для него средством накопительства. Он «ожирел» не только телом, но, что гораздо страшнее, и душой. Ничто уже не может всколыхнуть его воображение. Повторами этих деталей автор подчеркивает бессмысленность накопительства Ионыча. Старцев стал желчен. Больные в нем вызывают только раздражение. У Ионыча пропало всякое желание помогать людям, он терпит их только из-за того, что они несут ему деньги. И так эволюция образа Ионыча наглядно представлена А. П. Чеховым с помощью повторов.

Повтор как способ психологической характеристики персонажа. Повтор, а в особенности повтор с вариацией, может рисовать внутренние изменения персонажей. В этом рассказе выполняется повтор ситуаций посещения Туркиных Старцевым, наблюдается повтор мнения Старцева о талантах Туркиных и повтор деталей в жизни Ионыча через четыре года. Повторяемость ситуации и оценки показывает, что доктору претит пошлое, бездуховное существование обитателей города С., но он тем не менее соглашается существовать по их законам: он регулярно навещает клуб, хотя ему там совсем не занятно, посещает семью Туркиных, хотя видит, что эти люди ограничены и заурядны. Но он вместе со всеми восхищается талантом Котика, одобрительно отзывается о романе хозяйки дома, смеется шуткам Ивана Петровича. Внутреннее состояние «свежего» человека явно контрастирует с неестественной, позерской «интеллигентностью» этой самой культурной семьи. Старцев не нашел в этом обществе живого отклика, и он сам постепенно начинает опускаться. С течением времени Старцева окончательно засасывает болото обывательщины, мещанства, потому что он лишен внутреннего протеста против той жизни, которая сначала была так противна ему. Повтор его внутренней реплики «А хорошо, что я на ней не женился!» свидетельствует о том, что он слишком обленился духовно и нравственно, чтобы любить и иметь семью.

Повтор оценки молчаливого закусывания Старцева через четыре года показывает, что обыватели долгое время раздражали его своими разговорами, взглядами на жизнь и даже своим видом. Он довольно скоро пришел к выводу, что с подобными людьми можно только играть в карты, закусывать и говорить о самых обыденных житейских вещах, не касаясь сфер политики или науки. Повтор его нового развлечения – перебирания денег, полученных за день, выявляет удивительное равнодушие и черствость его души, в котором намечается явная тенденция к полному омертвлению. Ионычу уже ничто не сможет помочь выбраться из

обывательского общества, так как он одинок, ничто его не интересует, как и многих в городе. За короткий срок эскулап потерял все, что отличало его от рядовых горожан, прошел такой путь, что сам стал воплощением обывательщины и мещанства.

Повтор как способ организации композиции текста. В этом рассказе повтором ситуации отмечены начало и конец сюжетной линии. Воспоминания Ионыча в 5-й главе рассказа подводят итог развития разных сюжетных линий: «Садясь в коляску и глядя на темный дом и сад, которые были ему так милы и дороги когда-то, он вспомнил все сразу – и романы Веры Иосифовны, и шумную игру Котика, и остроумие Ивана Петровича, и трагическую позу Павы, и подумал, что если самые талантливые люди во всем городе так бездарны, то каков же должен был город». Этот отрывок связан и с самым началом рассказа, как своего рода ответ на него, и с первым впечатлением Старцева от посещения Туркиных: «После зимы, проведенной в Дялиже, <...> сидеть в гостиной, смотреть на это молодое, изящное и, вероятно, чистое существо и слушать эти шумные, надоедливые, но все же культурные звуки, – было так приятно, так ново».

«В чеховском «Ионыче» обращают на себя внимание повторяющиеся в каждом его внутреннем разделе лейтмотивные узловые моменты структуры рассказа». Изображая многолетний процесс морального падения Ионыча, автор расставляет на жизненном пути героя основные вехи. Показаны разные временные отрезки: «Прошло больше года», «Прошло четыре года», «Прошло еще несколько лет». Каждый из этих периодов «орнаментирован» показательными способами передвижения Старцева: «...шел пешком, не спеша»; «...у него уже была своя пара лошадей»; «...уезжал уже не на паре, а на тройке с бубенчиками». Последняя, 5-я глава посвящена настоящему. Теперь, «<...>когда он, пухлый, красный, едет на тройке с бубенчиками, кажется, что едет не человек, а языческий бог».

Повтор как средство создания символических образов. В рассказе «Ионыч» с вариацией повторяется образ упряжки. С течением времени количество лошадей в упряжке изменяется. Сначала у Старцева не было ни одной лошади, потом у него была пара, в конце концов есть тройка. Здесь упряжка приобретает символический смысл. Она символизирует деградацию души героя.

Сад в этом рассказе тоже имеет символическое значение. Символ сада – важный символ и в рассказе «Ионыч», и «<...>вершинный образ всего чеховского творчества». Сад – это неизменная, вечная декорация, на фоне которой изменяются отношения Старцева и Екатерины Ивановны. В доме Туркиных «половина окон выходила в старый тенистый сад»; «когда Вера Иосифовна закрыла свою тетрадь» с романом о том, «чего никогда не бывает в жизни», «в городском саду по соседству» хор песенников под оркестр пел «Лучинушку», «и эта песня передавала то, чего не было в романе и что бывает в жизни». У Старцева и Котика «было любимое место в саду: скамья под старым широким кленом». Это была пора страстной влюбленности Дмитрия Ионыча. Через четыре года уже «она смотрела на него и, по-видимому, ждала, что он предложит ей пойти в сад, но он молчал». Теперь Котик говорит не «сухо», как когда-то, а взволнованно, «нервно»: «Ради бога, пойдете в сад». «Они пошли в сад и сели там на скамью под старым кленом <...>». «Сад - не только безмолвный свидетель, но и участник действия под названием «жизнь». «Сад - это выход из парадоксального мира в мир органичный, переход из состояния тревожного ожидания <...> в вечный деятельный покой».

Повторяющийся образ огонька в 5-й главе символизирует чувство и внутреннее состояние героя. «В душе за-теплился огонек» – «Огонек все разгорался в душе» – «Старцев вспомнил про бумажки, которые он по вечерам вынимал из карманов с таким удовольствием, и огонек в душе погас». Процесс изменения огня обозначает процесс развития чувства героя.

В чеховских произведениях художественные повторы становятся важнейшими средствами формообразования: они объединяют разные элементы в единую систему сложных соотношений и взаимодействий, ощущаемую как художественная целостность. В данной статье наблюдения о повторах ограничиваются одним произведением А. П. Чехова – рассказом «Ионыч». Многообразие типов повторов и их функций нуждается в дальнейшем изучении.